Текст · 25 октября 2023, 14:04
Елизавета Нестерова,

«Кто мог испугаться и расстроиться, уже испугались и расстроились». Речи Евгении Беркович и Светланы Петрийчук в Мосгорсуде

Московский городской суд утвердил решение оставить фигурантов «театрального дела» Евгению Беркович и Светлану Петрийчук в СИЗО. Обе уже полгода находятся под арестом по делу о призывах к терроризму[1] из-за спектакля «Финист Ясный Сокол» — о женщинах из России, которые решили выйти замуж за исламистов и уехать в Сирию.

Сегодня они просили судью Рыжову отменить решение об их аресте. «Медиазона» публикует дословно речи Евгении Беркович и Светланы Петрийчук, сказанные в Мосгорсуде.

1. Часть 2 статьи 205.2 УК.

Евгения Беркович

Совершенно точно, если я окажусь дома, мое поведение не станет менее надлежащим, что бы ни имелось в виду [в постановлении о продлении ареста]. Скажу вот о чем. Почти полгода мы со Светланой находимся в тюрьме за решеткой. Это жестокое наказание — и в данном случае это не эмоционально окрашенное заявление — хотя и эмоционально окрашенное тоже, поверьте, за полгода. Но не просто так по большинству статей день [в СИЗО] засчитывается за полтора [в колонии],

и нахождение в СИЗО приравнивается к особому режиму.

В общем, не нужно никого уговаривать, что посадить людей на полгода в тюрьму — это жестоко.
Мы сейчас находимся в ситуации, когда дело не только и не столько в том, что это жестоко, а в том, что это абсолютно бессмысленная жестокость, это жестокость, не нужная вообще никому — даже следствию. Мы можем в этом убедиться из материалов дела — ни за чем следователю, следственной группе для того, чтобы расследовать наше невероятно запутанное преступление (на самом деле, совсем не запутанное и совсем не преступление), не нужно, чтобы мы находились в тюрьме.

Никакие следственные действия с нами не велись и не ведутся, никаким образом наше нахождение в тюрьме не мешает ФСБ в Свердловской области писать экспертизу. Даже Силантьеву ничто не помешало писать экспертизу, а ведь мы тогда еще не находились в СИЗО.

Если то, что я нахожусь в тюрьме — это метод устрашения, то непонятно, кого устрашать. Если меня, то сильнее, чем я устрашилась 4 мая, я уже не устрашусь. И не потому, что я такая храбрая, а потому, что сильнее — это уже инфаркт.

Это очень страшно, когда в семь утра к тебе домой приходят с обыском, а у тебя двое особенных детей, и у тебя есть задача, чтобы старшая девочка не выбросилась в окно — и это сейчас не фигура речи, это буквально. Когда в семь утра в дом вваливаются

незнакомые люди, а ты в одной руке держишь одного ребенка в истерике зеленого цвета, а в другой — другого ребенка. Оба ребенка физически довольно сильные, и одна из них пытается выпрыгнуть в окно.

Так вот сильнее я уже не испугаюсь точно. Если это элемент устрашения не меня, а какой-то части российского или не только российского театрального общества, то, поверьте тоже, за шесть месяцев все, кто мог испугаться и расстроиться, уже испугались и расстроились. А все, кто мог обрадоваться и потереть ручки, написать какую-то анонимную гадость или не анонимный манифест, уже написали и обрадовались. Ничего нового тут уже не произойдет.

Но давайте не буду все же такого предполагать, потому что мучить одного или нескольких человек, чтобы напугать все общество — это методы, надеюсь, не российского правосудия, а как раз тех, кого, согласно 205 статье, нельзя пропагандировать. Я надеюсь, что все здесь присутствующие такими методами не пользуются.

Совершенно очевидно, что, пожалуй, единственное, что за эти шесть месяцев удалось поставить как задачу и эту задачу выполнить — это продемонстрировать, что сокрушительная машина российского правосудия в любой момент и под любым предлогом двух молодых женщин может посадить в тюрьму и держать там любое количество времени, не утруждая себя, как следствие, никаким образом доказыванием необходимости этого. Такая задача была поставлена и, честное слово, эта задача уже выполнена. Те люди, которые до 4 мая думали,

что так нельзя — все, уже не думают, можно. Вот за полгода все уже поняли, что сокрушительная машина правосудия так может делать.

Не кажется ли вам, ваша честь, что настало время сокрушительной машине российского правосудия продемонстрировать, что она может что-нибудь еще? Например, проявить милосердие к больным детям и нескольким старикам: пожилым родителям Светланы, моим бабушкам, родителям пенсионерам. Например, еще сокрушительная машина российского правосудия может соблюдать закон и проявлять справедливость — даже пусть не милосердие, но справедливость меня устраивает.

Даже если кому-нибудь за эти полгода нужно было, чтобы мы сидели в тюрьме — все, реально достаточно. Я прошу изменить мне меру пресечения на любую, не требующую моего заключения под стражу. Я прошу сейчас очень эмоционально, даже, сказала бы, умоляю.

Я сказала, что мне, наверное, уже не станет страшнее за моих девочек, но, с другой стороны, менее страшно мне тоже не становится, потому что — в материалах дела это есть — регресс происходит очень серьезный у обеих девочек. У нас открытое заседание, я не буду сейчас останавливаться на подробностях диагнозов, но в материалах дела это есть.

За эти полгода уже произошло очень много всего: и тяжелейшие психологические срывы, и физические заболевания. Не произошло только, пожалуй, одного: пока из наших близких никто не умер. Давайте сокрушительная машина российского правосудия

остановится сейчас, пока этого не произошло. Это может произойти.

Светлана Петрийчук

Знаете, мне еще в мае одна прекрасная сотрудница СИЗО, объявляя, что я поставлена на профилактический учет как лицо, склонное к экстремизму и терроризму, очень сочувственно сказала: «Мы в курсе вашей ситуации, конечно, но что делать, такая статья, мы обязаны».

И вот это словосочетание «такая статья» я слышала эти шесть месяцев чаще всего по поводу нашего, так называемого, «театрального дела». Такая статья — и у нас профучет. Такая статья — и избирается мера пресечения без единого доказательства. Такая статья — и следователю можно приходить не только без доказательств, но и вообще без материалов на слушание.

Знаете, это как будто не числовое обозначение, а какое-то заклинание из Гарри Поттера: написал на бумажке — мы раз, и стали кем-то другим. Но я, ваша честь, ровно тот же человек, каким была до 4 мая. Я сценарист и преподаватель драматургии, а не лицо, склонное к экстремизму и терроризму.

Это ровно та же пьеса, которая была написана пять лет назад, которую пять лет хвалили, награждали, а через пять лет внезапно — к моему огромному удивлению — меня за нее же и арестовали.

А мне бы все же хотелось, чтобы ко мне относились, не делая скидку на это числовое обозначение [уголовной

статьи]. Мне бы очень хотелось, чтобы, когда я говорю, что я не намерена скрываться, куда-то уезжать, как-то препятствовать правосудию и ходу следствия — я бы хотела, чтобы мне верили. Следствие не приносило никаких доказательств обратного.

Я бы очень хотела, конечно, чтобы, когда уважаемый суд читает в документах, что я могу «продолжить заниматься преступной деятельностью», он верил хотя бы не мне, а формальной логике. Невозможно продолжить заниматься преступной деятельностью: эта пьеса была написана пять лет назад, что я могу сделать, перепишу ее еще раз? Или перепоставлю где-то втихаря?

Я просто очень хочу, ваша честь, чтобы за вот этим числовым обозначением, начинающимся на 205, которое так всех пугает, увидели нас наконец-то. Хотя бы спустя шесть месяцев. Ведь мы себя вообще никак не дискредитировали, я ни разу не нарушала закон, у меня даже не было штрафов за нарушение ПДД. Я бы очень хотела, чтобы нас как-то разглядели за всем этим. Я прошу, ваша честь, отменить постановление Хамовнического суда и освободить меня [из-под ареста].

Редактор: Дмитрий Трещанин